

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА

СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ПАУТИНА

**ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ**

Седьмая линия

Анастасия Валеева

Паутина

«Научная книга»

Валеева А.

Паутина / А. Валеева — «Научная книга», — (Седьмая линия)

К Яне Милославской, детективу-экстрасенсу обращается клиент, у которого пропала пожилая мать. Но особые карты, к которым привыкла прибегать Яна при ответе на такие вопросы, не «видят» пропавшую ни среди живых, ни среди мертвых...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анастасия Валеева

Паутина

ГЛАВА 1

– Сколько лет, сколько зим!.. – улыбаясь, вполголоса протянула Милославская.

– Что-то не очень убедительно, – поглаживая ус и перешагивая порог, ответил Руденко. –

Не рада что ли?

– Нет, почему же...

– Погоди, погоди, – Семен Семеныч слегка наклонил голову и, прищурившись, пристально посмотрел на Яну, – Выглядишь ты, надо сказать, неважно. Не заболела?

– Да нет, недомогание просто, – Милославская отвела взгляд.

– Опять гадала? – насмешливо спросил Руденко и повесил фуражку на крючок, прибитый к стене в прихожей Яниного дома.

Милославская ничего не ответила и поспешила перевести разговор на другую тему.

– Кофе хочешь? – позевывая, произнесла она и протянула Семену Семенычу расческу: на его макушке забавно торчал слипшийся от пота хохолок.

Руденко пятерней «навел порядок» на голове и, не дожидаясь приглашения, прошел на кухню. Переступив ее порог, он сразу же стал шевелить ноздрями.

– Чем это так у тебя? – спросил он и нахально заглянул в микроволновку. – О-о-о... Опять полуфабрикаты? Когда-нибудь они доведут тебя до ручки! Ну что, угощай.

– А до ручки дойти не боишься? – улыбнувшись, произнесла.

Яна и, всунув руку в толстую вышитую рукавицу, вытащила из печи маленький круглый противень, на котором дымилась пицца. – Хотела кофе отделаться, но от тебя разве можно утаить что-то съестное, – шутливо проговорила она.

– А я и от кофе не откажусь... – брызгая у раковины иссиня-черной пеной, облаком окутавшей широкие, с короткими пальцами кисти рук, ответил Семен Семеныч.

– Вот так и зарабатываем мы трудовые мозоли, – вздохнув, протянула Милославская, легонько похлопав Руденко по изрядно выпирающему животу, на котором едва сходилась рубашка.

Хозяйка достала серебряную джезvu, которую она не променяла бы ни на одну самую лучшую кофеварку в мире, и принялась за приготовление кофе, в то время как ее гость краешками пальцев отламывал от пиццы небольшие кусочки и виртуозными движениями отправлял их в рот.

Руденко был давним приятелем Яны Милославской, поэтому такое панибратское поведение ее не удивляло и не обижало. Семен Семеныч был несколько небрежен в манерах, но Яна всегда знала, что в душе он большой добряк и в некотором роде простофиля.

Семена Семеныча в дружеском кругу гораздо чаще называли Три Семерки. Это прозвище прилипло к нему давным-давно, тогда, когда он стал слишком очевидно для других из прочих спиртных напитков предпочитать портвейн с одноименным названием. Руденко не был пьяницей, но любил поднять себе настроение или расслабиться в конце рабочего дня, употребив рюмочку-другую из заветной бутылки.

Три Семерки был мужчиной средних лет, однако звание капитана милиции он получил не так давно, чрезвычайно обрадовавшись избавлению от чина старлея. Руденко не был равнодушен к своей работе; наоборот, он дни и ночи пропадал в отделе, выполняя каждое приказание с особым рвением и добросовестностью. Однако с карьерным ростом ему никак не везло, и если

вдруг начинало наклеиваться повышение, он обязательно вляпывался во что-то, после чего ему не только не светило поощрение, но и очередной премии приходилось помахать ручкой.

Милославская была одинока, а Руденко – женат, но это не мешало их общению, поскольку никакой любви между этими мужчиной и женщиной не существовало. Между Яной и Три Семерки была особого рода дружба, дружба, основанная, в основном, на взаимовыгодном интересе. Замешена она была на работе.

Работая в органах, Семен Семеныч мог оказать посреднические услуги в составлении фоторобота, проведении экспертизы, мог добыть определенного рода информацию и прочее. А Яна Борисовна по роду своей деятельности во всем этом часто очень остро нуждалась.

Милославская оказывала услуги не частного детектива, не телохранителя. Она была профессиональной гадалкой, гадалкой необыкновенной и даже редкостной. Количество удачно доведенных ею до конца дел делало ей честь. Семен Семеныч очень уважал Милославскую, хотя весьма скептически относился к Янинскому методу расследования – гаданию на картах.

Деятельность Милославской была далека от ответа на вопрос, любит – не любит. Яна Борисовна раскрывала преступления, помогала отыскивать пропавших людей, бралась за расследования, заниматься которыми у милиции не было либо сил, либо желания. Отчаявшиеся люди шли к ней.

Яна редко проводила бесплатные сеансы. Не потому, что она была противницей благотворительности: гадание на картах отнимало у женщины слишком много сил, лишало ее жизненной энергии. В день больше двух карт из колоды экстрасенс использовать не могла. Только загадочный Джокер составлял исключение – его Милославская могла применить третьим, но он практически никогда не давал четкой информации.

После сеанса Яна Борисовна жутко уставала, поэтому она не могла совмещать какую-либо официальную работу с гаданием. Поразмышляв о пользе того и другого для человечества, она однозначно остановилась на последнем. Оно и стало единственным источником ее средств.

Размер гонорара зависел от конкретной ситуации. В определенных ситуациях он был чисто символическим, но гораздо чаще обеспечивал Милославской безбедное существование где-то в течение месяца.

Милославская гадала на картах, но они были далеки от обыкновенных. По таинственному зову Яна изготовила их сама. Взяла картон, вырезала прямоугольники одинакового размера и нарисовала на них символы, диктуемые ей свыше. Гадалка не обладала талантом художника, но здесь словно сами собой под ее рукой появились причудливые изображения. Так же спонтанно возникли в воображении гадалки и названия карт: «Чтение», «Взгляд в будущее» и другие.

Когда появлялась необходимость, Яна положила ладонь на карту, и через некоторое время ее посещало видение. Сеансы не всегда оказывались удачными: возникшие картины могли не быть отчетливыми и далеко не всегда их значение было понятно сразу. Часто приходилось подключать умственные способности, логику. Не сказать, чтобы Милославская в этом плане была особо одарена, но в комплексе с интеллектуальными данными ее таинственный дар являл собой нечто фантастическое по своим возможностям.

Это прекрасно понимал, хотя всегда и старался иронично высказаться о Янинском занятии, и Семен Семеныч. Он очень гордился званием капитана, а в глубине души знал, что во многом обязан им Милославской. Гадалка на самом деле сыграла немаловажную роль в карьерном росте приятеля. Часто случалось, что сотрудничество гадалки и ее товарища-милиционера оказывалось взаимовыгодным, поскольку не могло не сказаться положительно на количестве раскрытых преступлений. В результате совместной работы Яна оставалась при честно заработанных деньгах и при благодарности, а Три Семерки – при поощрении.

При этом мысль об извлечении какой-то коварной корысти из отношений друг с другом приятелей не только не преследовала, но и вообще не возникала. Их отношения строились легко и непринужденно.

– Э-э-э! – прикрикнула Яна на Руденко, – Это что за безобразия?!

– А я че? Я ниче, – подражая глуповатому высказыванию из кинофильма, пробормотал Семен Семеныч, облизывая засаленные кончики пальцев. Он успел уговорить третью часть пиццы, и лицо его изображало выражение сытости и довольства.

Милославская разлила кофе по чашкам и тоже присела к столу. Пристальный взгляд сзади заставил ее обернуться – из угла тоскливо смотрела Джемма.

Эту чистопородную среднеазиатскую овчарку Яне некогда привезли из Туркмении. Теперь хозяйка и питомица души друг в друге не чаяли. Джемма была прекрасной защитницей. Огромный рост и недюжинная сила позволяли ей легко справляться со взрослым человеком. Часто ей приходилось демонстрировать это: Милославская нередко брала собаку с собой «на дело», где та порой помогала хозяйке избежать неминуемой гибели или способствовала задержанию преступника.

– Сейчас, – вздохнув с пониманием, произнесла Яна и через несколько минут собачья миска доверху наполнилась кормом.

– Что-то облезлая она какая-то стала, – чавкая, прошамкал Три Семерки, – Линяет что ли?

– Грубый ты какой, Сема! Облезлая... Это мы после боя такие.

– Какого еще боя?

– Да пришлось сцепиться кое с кем, – уклончиво ответила гадалка.

– Ну-ка, ну-ка... – настойчиво протянул Руденко, и Яне пришлось рассказать ему о последнем расследовании, которое было коротким, но бурным и в котором она обошлась без участия товарища.

– Не одним, значит, нам пришлось в эти дни почувствовать, что значит собачья жизнь, – дослушав подругу, со вздохом произнес Семен Семеныч.

– Кому это нам? – удивленно произнесла гадалка.

– Нам, и мне в том числе...

– Неприятности на работе?

– Они самые.

– В чем дело?

– Да мошенники слишком ловкие деятельность свою в городе развернули. А к ногтю прижать их никак не удастся. Уходят прямо из рук и все!

– И что?

– Что, что?! Они живут припеваючи, а нам от начальства по шапке!

– И по премии, небось, тоже? – осторожно спросила Милославская.

– А то как же еще, – грустно ответил Семен Семеныч. – Я у тебя-то проездом.

– Вот как?

– Угу. Напарник мой до хаты одной неподалеку тут пошел. Проверить. По нашим данным, нечистая она. Договорились, что я тут его подожду, чтоб подозрений никаких не вызвать. В гражданке он, а я – вот он весь, перед тобой, —

Руденко горделиво погладил свои погоны. – Мы последнюю неделю в мыле все. Я почти забыл, как Маргарита моя выглядит.

Маргарита Ивановна, жена Семена Семеныча, была по натуре очень мягкая и добросердечная. Она умела обогреть мужа теплыми словами, заботой. Не лезла с нравоученьями, когда видела, что он и без того не в духе, не ворчала, если супруг принимал рюмочку после рабочего дня. Кроме того она была отменным поваром и постоянно баловала Семена Семеныча не только своими фирменными блюдами, но и кулинарными новшествами. В общем, Руденко в этом плане любой мог позавидовать, поэтому он сейчас, как и всегда, упомянул о жене с особо теплой интонацией.

– Неужели они никогда не закончатся? – задумчиво протянула Милославская.

– Кто?

– Преступления.

– Хм, – ухмыльнулся в ответ Три Семерки.

Яна только что закончила очередное дело, а теперь вдруг подумала о том, что этот конец означает только одно – начало. Она знала, что не сегодня-завтра в ее дверь постучит очередной клиент, и ей придется снова приступить к работе.

– Отпуск что ли взять? – пробормотала она.

– Хм, тебе ли об этом горевать? Ты сама себе хозяйка, – ответил Семен Семеныч. – Конечно, возьми. Отдохни немного.

Я же говорю, ты выглядишь неважно. В бассейн походи, в сауну... Любовника, в конце концов, заведи...

– Сема! Я тебя умоляю!

Гадалка не любила говорить об этом. Несколько лет назад семья Милославских, Яна, ее муж и сын, попала в серьезную автомобильную катастрофу, после которой в живых осталась только сама женщина. Ее супруг, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Яна долго находилась в коме, а придя в себя, была не рада спасению. Она глубоко переживала случившееся, видеть никого не хотелось, не хотелось жить, но изменить ничего уже было нельзя, а жизнь продолжалась.

Таинственный дар Милославская обнаружила у себя именно после клинической смерти, и с тех пор гадание ей заменяло все: семью, работу, широкий круг друзей... Она потеряла своих близких и стала жить, помогая чужим людям.

– О! – воскликнул Три Семерки, услышав звонок в дверь. – Это наверняка Бирюков, – Семен Семеныч сделал последний глоток кофе и засеменял в другую комнату, чтобы посмотреть в окно, – Так и есть! Недовольный какой-то. Зря, наверное, проходил, – Руденко вернулся в кухню, одним движением отправил в рот оставшийся кусок пиццы, затем торопливо зашагал в прихожую, где, натянув фуражку и всовывая ноги в башмаки со стоптанными задниками, сказал гадалке: —

Послушай моего совета: человек без отдыха сдает.

Милославская в ответ только вздохнула. Она пошла вслед за приятелем, чтобы запереть за ним калитку: ближайший часок-другой гадалка планировала вздремнуть.

На улице Семена Семеныча на самом деле ждал напарник, но он был уже не один, что очень удивило Три Семерки. Руденко нахмурился, удивленно приподнял брови и, посвистывая, посмотрел на незнакомца. Тот о чем-то говорил с Бирюковым.

Они стояли возле машины Семена Семеныча, старенькой, выдавшей вида шестерки. Бросив беглый взгляд в сторону собеседников, гадалка сразу поняла: эти люди не знакомы, и толкнула локтем в бок сердитого Руденко.

Он, очевидно, сразу поняв ее намек, сбросил с себя никчемную спесь и прислушался к разговору. Отчетливо разобрала его и Милославская. Мужчина обращался к Бирюкову с вопросом о том, действительно ли в этом доме проживает экстрасенс-гадалка.

Яна Борисовна Милославская. Выражение лица руденковского напарника, услышавшего такую профессиональную характеристику Яны, описать трудно. Казалось, что он собирается, как говорится, взять ноги в руки и бежать сразу во все четыре стороны – растерян парень был неимоверно.

– Ну, тут она живет, – деловито окликнул гостя Три.

Семерки, – Дальше что?

– Может быть, товарищ капитан, ты разрешишь мне поговорить с этим человеком? – иронично произнесла гадалка.

Семен Семеныч, несколько не смутившись, посвистывая отошел в сторону и сделал вид, что осматривает колеса своего автомобиля. Милославская вопросительно посмотрела на того, кто о ней спрашивал.

Это был мужчина лет около сорока, высокий, широкоплечий, несколько сутуловатый. Очевидно, он косолапил при ходьбе – концы его ступней смотрели внутрь. Руки были несколько длинноваты и обращали на себя внимание крупным размером кистей. Он смотрел как-то исподлобья, хотя, возможно, такое ощущение создавалось из-за густых, сросшихся у переносицы бровей.

– Я вас слушаю, – спокойно произнесла гадалка, – Я Яна Борисовна Милославская.

Незнакомец поджал свои тонкие губы и с некоторым презрением посмотрел в сторону Руденко и его напарника. Милославская, словно прочитав его мысли, произнесла:

– Семен Семеныч, увидимся. До встречи.

Три Семерки недовольно обернулся, затем подошел к Яне вплотную и пробормотал ей на ухо:

– Не советую в дом каждого встречного-поперечного приглашать.

– У нас интимный разговор, – улынувшись, ответила ему гадалка.

Руденко стал хлопать глазами, совершенно не понимая подругу.

– Беседа тет-а-тет, – пояснила ему Милославская.

– А-а-а, – протянул Три Семерки, но по лицу его было видно, что он так ничего и не понял.

Семен Семеныч уселся за руль и, подождав, когда это сделает его напарник, тронулся с места, недоверчиво посматривая в сторону Яны и ее гостя.

– Я хотел бы обратиться к вам за помощью, – раскованнее заговорил незнакомец.

Милославская молчала. Она сразу подумала, что этот мужчина – очередной клиент, и размышляла о том, сразу отказать ему или ради приличия выслушать, зачем тот пришел. Состояние у нее было далеко не рабочее, и она нуждалась в хорошем отдыхе гораздо больше, чем в заработке.

– Вы удивлены? – несколько смущенно спросил гость.

– Нет, вы не первый в своем роде.

Сказав эти слова, Милославская сразу подумала, что он не первый не только в том смысле, что ищет ее помощи: было уже много случаев, когда она, будучи утомленной и обесиленной, все же бралась за дело и успешно доводила его до конца.

– Как вас называть? – спросила гадалка.

– Синявский. Виктор Николаевич. Можно просто Витя.

– Идемте в дом, Витя, – вздохнув, произнесла Милославская.

Виктор зашагал за ней, с любопытством оглядывая небольшой дворик ее дома, в котором она, будучи очень занятой в последние дни, давно не наводила порядок.

– Присаживайтесь, – сказала Яна, указывая гостю на диван, обтянутый темно-зеленым бархатом, и закурила.

Интерьер ее кабинета был несколько необычен и всегда делал обстановку разговора, происходящего в нем, загадочной и таинственной. Статуэтка египетской кошки, стоящая на тумбе, казалось, вот-вот оживет и протяжно замыкает, а голос ее эхом разнесется по всем комнатам. Необыкновенный ковер с катренами Нострадамуса заставлял задуматься о других мирах и неподвластных человеку материях.

С виду уверенный в себе, Синявский, присев на указанное место, сразу переменился: он еще больше ссутулился, нахмурился и голову втянул в плечи.

– Расслабьтесь, – сказала гадалка, от которой не ускользнуло состояние клиента. – Курите? – она протянула Виктору свою пачку, вытряхнув из нее наполовину несколько сигарет.

Синявский взял одну из них и из заднего кармана новых, но с оттянутыми коленками джинсов достал металлическую зажигалку. Яна пододвинула ему пепельницу. Виктор прикурив и, сделав две коротких затяжки, сказал:

– Я приехал с Севера.

– Откуда? – удивленно перебила его Милославская: ее услуг до этого искали, в основном, местные жители или приезжие из области.

– Я работаю сейчас на Севере, – пояснил Синявский. – Здесь проездом. Направляюсь на юг, в Геленджик, в санаторий, подлечиться. Решил по пути мать навестить. Она в Ленинском районе живет. Не виделись мы уже несколько лет.

Виктор говорил, шмыгая носом, и слушать его было тяжело: постоянное шмыганье отвлекало.

– Я приехал, а дом пустует, – Синявский развел руками. – Решил переночевать – но и сегодня в течение дня мать не объявилась.

– Только и всего? – рассмеявшись, произнесла Милославская.

– Да вы что! – воскликнул ее гость. – Это все серьезно.

Моя мать – пенсионерка. Она почти все время проводит дома.

– Может быть, на этот раз ей захотелось куда-нибудь навеститься...

– Куда? – ухмыльнулся Виктор. – Родственников у нас здесь нет, друзей тоже: отец был военным, и родители сюда переехали из Питера через пять лет после того, как папа ушел в отставку. В этом городе климат мягче. В Питере сыро, отец там чувствовал себя неважно. За это время дружеских отношений старики ни с кем не завели. Отец, знаете, был человеком высокого ранга и к окружению привык соответствующему, поэтому ему трудно было здесь, в чужом ему городе, на склоне завести себе приятелей. Да и вообще, родители были нелюдими. А после смерти отца мать вообще...

Синявский говорил убедительно, и Яна стала его слушать несколько серьезней, чем поначалу.

– Ну, а соседи? – спросила она, сминая сигарету о дно пепельницы, – Соседи, может быть, знают что-то!

– Увы, – пессимистично покачав головой, ответил Виктор. – Они давно ее не видели. Хотя, может, это им так кажется. Говорю же: она мало общалась.

Милославская молчала, раздумывая.

– Я считаю, ее надо искать, – заключил Синявский.

Гадалка сидела и невольно вспоминала всех тех, кто вот так же горячо, как и Виктор, убеждал ее пуститься на поиски, а через несколько дней прибегал и говорил, что потеря отыскалась сама собой. Причем «потеря» в таких ситуациях не всегда желала, чтобы ее отыскивали. Так, одна ее клиентка сообщила, что муж уехал на заработки в Москву и пропал. Милиция отыскать его не сумела. Милославская нашла. Оказалось, что благоверный несчастной женщины уже несколько месяцев живет в гражданском браке, имеет от этого брака двух очаровательных сыновей-близнецов и возвращаться с «заработков» не желает. Клиентка за такую информацию спасибо гадалке говорить не стала.

– Я вам хорошо заплачу, – добавил Виктор после некоторого молчания.

– Хм, – ухмыльнулась Милославская. – Если бы дело было только в этом...

Яна несколько секунд ничего не говорила и смотрела в сторону.

– Почему вы не пошли в милицию? – спросила она, пристально глянув на Синявского.

– Я только что оттуда, – пожал плечами, ответил он.

– Вот как? – гадалка не стала скрывать своего удивления.

– Они, как и я, попытались вас успокоить?

– Нет, они избавили себя от такой любезности. Сказали, что труп в течение нескольких дней может отыскаться сам.

– То есть как?..

– Если бабуся тихонечко померла на какой-нибудь скамеечке, говорят, то ее непременно кто-нибудь найдет и заявит в органы, – голос Виктора заметно дрогнул, – а если она жива, то, мол, нет смысла ее искать. Придет, когда захочет.

Взрослый человек, сама себе хозяйка.

– Логично, – не скрывая иронии, произнесла гадалка.

– Думаю, вы знаете, что сейчас молодых-то не особенно ищут даже по истечении трех суток со дня исчезновения, а на стариков и вовсе рукой махнули. Кому они сейчас нужны?

Милославская ничего не отвечала, не спеша соглашаться с риторическим вопросом Виктора. Тесно сотрудничая с Руденко, она прекрасно знала как о попустительстве милиции в разных вопросах, так и о ее очевидных заслугах.

– Я еще когда в очереди в ментовке сидел, услышал, как один мужик другому к вам обратиться советовал, – не зная, как уговорить Милославскую, произнес Синявский. – Сначала я не придавал этому значения, а потом, когда меня отшили, как говорится, вышел, смотрю: они все разговаривают стоят.

Подошел, так и так, мол, говорю, мужики, колитесь, где ваша гадалка живет. Вот я у вас. Неужели и вы откажете?

– Я вам не отказываю.

– Значит, беретесь за дело? – обрадованно воскликнул Виктор.

– Давайте отложим этот разговор на более поздний срок, – встав, сказала Яна.

Она заходила по комнате и, не глядя на удивленного гостя, объяснила:

– Предлагаю подождать хотя бы неделю. А потом поговорим. За это время ваша мать может вернуться домой. Ведь вы не виделись несколько лет, по вашим словам.

– Ну да... – растерянно проговорил мужчина, а потом оживленно добавил: – Но до недавнего времени мы часто переписывались! Вернее, мать мне часто писала... Я не всегда находил время ответить...

– Когда вы в последний раз получили весточку?

Синявский задумался, а потом, опустив глаза, сказал:

– С полгода назад.

– Ведь за это время она могла с кем-нибудь подружиться.

Может, с мужчиной каким сошлась...

– Да вы что?! Ей шестьдесят пять!

– Когда вам будет столько, вы поймете, что это бывает и в шестьдесят пять, и даже позднее.

– Ну нет! Ее идеал – отец! – разгоряченно вскрикнул.

Виктор.

– Ну что вы так разошлись? Я про мужчину для примера просто сказала. Давайте закончим на этом.

– Как это закончим?! – разведя руками и брызгая слюной, протянул Синявский. – Скажите хотя бы, жива она или нет!

Вы... вы ведь можете это как-то узнать? Можете? – гость неуверенно посмотрел на гадалку, – Что, если она на самом деле в каком-нибудь скверике сейчас лежит? Мертвая...

Одна... Никому не нужная... – голос Виктора снова дрогнул.

– Навели на вас тоску господа милиционеры! – проговорила.

Яна, резко вскинув головой.

В следующий миг она вышла из комнаты и через несколько секунд вернулась оттуда, держа в руках заветную колоду карт. Виктор смотрел на нее во все глаза, пытаясь представить, что за этим последует. Яна веером развернула стопку и вытащила карту «Царство живых».

«Царство живых» была очень «несговорчивой» картой в последнее время, зато когда она охотно шла на сотрудничество, Милославская получала ответ на вопрос, жив искомым человек на момент гадания или нет. На карте перед обрамленной двумя фонарями аркой стояла роковая девица, держащая в руках пламя, дым от которого одновременно напоминал извивающегося змея и уходящую вдаль тонкую ленту.

Яна присела на краешек кресла, положила карту на правое колено и накрыла ее ладонью. Виктор, который до того постоянно шмыгал и дышал, подобно сошедшему с дистанции спринтеру, совершенно затих. Казалось, даже сердце в нем на это время остановилось.

Через минуту-две Милославская стала чувствовать в кончиках пальцев легкое покалывание. Обычно это было хорошим признаком – вслед за ним, как правило, наступало ощущение тепла, а потом приходило и само видение. Сейчас Яна боялась надеяться на первые признаки наступающего откровения, как бы опасаясь спугнуть его. Гадалка не горела желанием начинать это дело, а потому допускала, что организм, которому она в этот миг приказывала сосредоточиться на одном, вполне мог ее ослушаться.

Несмотря на опасения Милославской, покалывание через несколько минут все же стало перерастать в тепло. На этом этапе Яна уже была наполовину оторвана от действительности и погружалась в иной, никому, кроме нее, неизвестный мир. Мгновенья летели, и вскоре гадалку полностью окутало мистическое облако.

Это облако стало кружить Яну, трясти ее, совершенно невесомую, из стороны в сторону, а затем понесло с огромной скоростью под какие-то смешанные хаотические звуки куда-то ввысь и несло до тех пор, пока на пути у него не возникла преграда – стена, а в ней пара больших ворот. Откуда-то из неизвестности к гадалке пришло осознание того, что одни ворота ведут в мир живых, а другие – к мертвым. Милославская неожиданно почувствовала в себе силы проникнуть за эту преграду, и она стала биться в мир живых. Но... он не пускал ее.

Яна приготовилась к самому страшному и, еще более сконцентрировав энергию, попыталась проникнуть туда, где не было никого и ничего живого. Однако... и эти ворота не открылись перед ней.

Растерявшийся виртуальный образ Милославской предпринял еще несколько попыток – все они оказались неудачными.

Словно упав во сне с большой высоты, гадалка вздрогнула и очнулась. Она открыла глаза: Виктор сидел перед ней в абсолютном оцепенении. Когда он увидел в Яне признаки жизни, то осторожно прошептал:

– Ну что? Что?

Милославская зашевелила губами и произнесла что-то невнятное. Виктор отер ладонью губы и придвинулся к ней ближе.

– Воды... – еле слышно протянула гадалка.

– Ага, сейчас, – выпалил Синявский.

Он в одно мгновенье поднялся с дивана и выскочил в прихожую, но там сразу растерялся: гость совершенно забыл, что находится не дома. Яна еле заметным движением свешенной с ручки кресла руки указала ему в направлении кухни.

Вскоре Виктор стоял перед гадалкой, протягивая ей стакан воды. Вид у него был жалкий. Руки подрагивали, в глазах стояло отчаянье, на дне которого слегка поблескивала еще небольшая надежда.

– Мертва? – полушепотом спросил он, когда Яна вернула ему опустошенный стакан.

Милославская продвинулась немного вглубь кресла и отрицательно покачала головой.

– Господи! Слава богу! – вскрикнул Виктор, вцепившись пальцами в короткие волосы на висках. – Так значит, жива!.. – клиент посмотрел на гадалку.

Яна вновь покачала головой.

– Что-о? Что такое? Ничего не понимаю! – Синявский плюхнулся на диван так, что пружины его жалобно скрипнули.

– Я сама ничего не понимаю... – хрипло произнесла Милославская.

– Как же так?!

– Карта повлекла меня за собой, но не дала никакого ответа, бросила на распутье и все.

– Разве такое бывает? Как это? Как это так?.. – растерянно бормотал Виктор.

– Не могу вам ничего сказать, – прошептала Яна, сочувственно качая головой.

– Но... я могу хотя бы надеяться?

– Безусловно, ведь карта не сказала ни хорошего, ни плохого. Возможно, ваша мать скоро вернется домой, может, уже вернулась...

– Господи-и-и! – отчаянно протянул Виктор.

– У нас один выход – ждать. Я вам сразу это советовала.

– Ждать! Если б вы знали... Если б вы могли только представить...

– Знаю и представляю, – сухо перебила клиента гадалка. Она собрала в себе остатки сил и поднялась, сказав: – Всего доброго, жду вас через неделю. Это мое последнее слово.

Понимая, что дальше оставаться у нее нет смысла, Виктор еще более помрачнел и направился к выходу. У калитки он кивком попрощался с Милославской и торопливой походкой стал спускаться вниз по тропинке, ведущей к шоссе.

ГЛАВА 2

«М-да, – размышляла Милославская, лежа в постели, – и куда же могла податься эта несчастная бабуся? Хотя... почему несчастная? Муж – бывший вояка высокого чина, значит жила она всегда безбедно. А раз ее ныне покойный супруг, царство ему небесное, был еще и идеалом мужчины, жизнь пропавшей была не только обеспеченной, но и вполне счастливой. Многие бы позавидовали такой доле.

Но старость?! Старость-то пришла неминуемо. А вместе с ней и одиночество. Да-а-а... Единственный сынок в течение полугода ни сном ни духом о мамаше. Как же! Ему некогда! Если б вы знали... – мысленно передразнила клиента Яна, – Пожалуй, волком завоешь в четырех-то стенах и променяешь свой идеал на какого-нибудь распаршивенького дедуську. Паршивенький, да свой. Все же есть с кем у окошка мух давить...»

Вывод, к которому таким образом неминуемо пришла Милославская, ей понравился. Дальше были еще смутные соображения в том же духе, но они уже не обладали четкостью и ясностью, потому что гадалкой постепенно овладевал сон.

Этот сон не заставил ее терзаться образами, навеянными только что минувшей беседой с клиентом. Милославская видела море, шторм, огромную цунами, накатывающую на нее. Яне было страшно, она пыталась кричать, но у нее ничего не получалось. На этом все прерывалось, а потом в сонном воображении возникали новые картины, тоже какие-то тревожные и безрадостные.

Проснувшись гадалка с каким-то тяжелым чувством на сердце.

Она приняла душ, взбодрилась чашечкой кофе и, поджав под себя ноги, уселась перед телевизором, намереваясь поочередно нажимать кнопки пульта до тех пор, пока на экране не появится что-нибудь для нее интересное. Однако неожиданно раздался громкий стук калиточной щеколды. Джемма, мирно дремлющая у ног хозяйки, вскочила на лапы и подняла угрожающий лай.

– Кого это еще? – поднимаясь с кресла, произнесла гадалка.

Шлепая босыми ногами, она семенящим шагом подошла к окну и, отодвинув тюлевую занавеску, выглянула на улицу. У калитки, оперевшись одной рукой о ее косяк, а другую поставив в бок стоял... Синявский.

– Виктор?! – удивленно воскликнула Милославская.

Уж кого-кого, а его она увидеть никак не ожидала. Вид у гостя был взбудораженный, гораздо более взволнованный, чем во время прошлого визита.

– Что такое?... – пробормотала Яна, направляясь к выходу.

По дороге к воротам она пыталась представить, что могло спустя всего несколько часов снова привести к ней этого клиента. Неужели обычная настырность? Этого бы Милославской очень не хотелось.

– Иду, иду, – протянула она, услышав повторный настойчивый стук щеколды.

Джемма надрылась от лая, бросаясь на калитку.

– Фу! – прикрикнула на нее хозяйка, и та нехотя замолчала, продолжая энергично бить хвостом.

– Вы? – спокойно спросила Яна, представ перед гостем, – Сколько лет, сколько зим...

– Оставьте свои шуточки! – раздраженно произнес тот, намереваясь войти.

Но гадалке очень не хотелось пускать его в дом и снова выслушивать доводы, о которых она уже слышала. Яна приняла позу, очень прозрачно намекающую на то, что дальнейшие шаги Виктора для нее очень нежелательны.

– Послушайте! – заметив это, умоляюще пробормотал Виктор. – Это очень серьезно!

– Я понимаю, – перебила его Милославская.

– Нет, вы ничего не понимаете! – закричал он. – Мне телеграмма пришла! От матери!

– Так это же прекрасно... – удивленно и растерянно пробормотала Милославская.

– Ничего прекрасного! – ядовито процедил Синявский.

– Почему? – недоуменно произнесла Яна.

– Возвратившись от вас, я позвонил домой, на Север, – спокойнее заговорил Виктор, – Моя жена сказала, что сегодня получила телеграмму от мамы. Она сообщает, что все у нее хорошо, по-старому, по-прежнему то есть, что жива, здорова.

– Ну? – так ничего и не понимая, произнесла гадалка.

– А матери-то дома не-ет! Я у нее почитай что уже двое суток! На телеграме-то стоит ее домашний адрес! – мужчина нервно сотрясал перед гадалкой бумажкой, на которой он, как оказалось, записал от и до все, что значилось на телеграмме. Видимо, по телефону жена ему продиктовала. Гадалка машинально взяла ее у него и, повертев, сунула в свою сумочку.

Она, задумавшись, молчала.

– Прошу вас, – умоляюще произнес Виктор, – возьмитесь за это дело! Сердцем чувствую: тут что-то не чисто!

Яна и сама что-то в этот миг почувствовала, хотя рассказ Виктора ей и не показался убедительным. Она освободила проход во двор и жестом пригласила Синявского. Он направился в дом, на ходу пытаясь убедить Милославскую в серьезности всего происходящего, еще раз пересказывая ей эпизод с телеграммой.

Гадалка провела Виктора на кухню. Они сели за стол друг против друга. Яна закурила.

– Что, что будем делать? – нетерпеливо спросил Синявский.

– Договоримся о цене и...

– И?

– Я должна осмотреть дом, – ответила Яна, пожав плечами.

– Да-да, конечно, – обрадованно согласился с ней клиент.

Они коротко оговорили размер, форму и сроки оплаты работы Милославской, и Яна начала собираться. Через двадцать минут она появилась перед Виктором.

– Хорошо выглядите, – не сумев скрыть восхищенного взгляда, заметил он.

– Обычно, – парировала Яна.

Конечно, сменив домашнее одеяние на элегантный костюм и подчеркнув красоту косметикой, она преобразилась, хотя и не захотела признать этого.

– Идем? – спросила она застывшего на месте Виктора, перекидывая через плечо маленькую сумочку на длинном тонком ремешке.

– Угу, – буркнул он и неуклюже поплелся позади нее.

«Медведь», – почему-то заметила про себя Яна.

– Я возьму с собой собаку, – запирая дверь, заявила она.

Синявский покосился на явно не симпатичную ему Джемму, но возражать не стал. Милославская, видя его недоверчивый взгляд, брошенный на овчарку, улыбнулась.

– Такси? – спросила она, когда впереди показалась дорога, движение на которой в этот час было особенно оживленным.

– Конечно, – неуверенно ответил Синявский, снова недоверчиво посмотрев на собаку. Однако он поспешил обогнать.

Яну, чтобы поскорее остановить машину.

– Плохо без своего транспорта, – произнес он, встав у обочины и вытянув вперед правую руку, – тем более, когда к нему привык.

– У вас хороший автомобиль? – из любопытства поинтересовалась Милославская.

– Очень, – горделиво протянул в ответ Синявский, – Я даже жене его не доверяю. Эх, как он теперь там без меня?!

В этот миг возле них притормозила серая «девятка», и ставшие единомышленниками поспешили усесться на заднее сиденье. Яна ловко юркнула вперед первой, потянув за поводок Джемму, вслед за ними грузно опустился в машину и Виктор. Задняя часть автомобиля в этот миг, казалось, заметно опустилась.

– Куда? – спросил водитель.

Синявский назвал адрес, и «девятка» тронулась.

Ехали довольно долго. Дом находился на противоположном конце города. Виктор всю дорогу выглядел мрачным. Добившись положительного ответа от гадалки, он не надоедал ей разговорами, зная, что надо не говорить, а действовать.

– Сколько ей? – спросил Яну водитель, восхищенно поглядывая на Джемму в зеркало.

Милославская ответила, внутренне радуясь такому отношению к своей любимице. Ей нечасто удавалось встретить таксистов, которые бы доброжелательно относились к перевозке собаки в их авто.

– Я тоже о такой мечтаю, – протянул мужчина, притормозив на светофоре, – да жена против. Аллергия у нее...

Яна промолчала и стала смотреть в окно. Она давно не была в этом районе, и ей интересно было наблюдать за так скоро изменяющимся городом. Кругом пестрели вывески новых супермаркетов, бутиков; обочины дороги украшали яркие рекламные щиты; в одном месте две новенькие десятиэтажки заменили квартал старых полуразрушенных домов. Район развивался, изменялся к лучшему, и это радовало.

Шумные улицы вскоре сменились более пустынными, а их пышность – некоторой убогостью. Начались кварталы, усеянные частными домами, домиками, домишками. Здесь были и великолепные особняки, двухэтажные, недавно отстроенные, смотрящие на мир амбициозно и тщеславно; были и скромные жилища, поросшие вокруг бурьяном, с покосившимися заборами и прохудившимися крышами.

– Во-он, вон туда, – вытянув вперед указательный палец, указал Виктор водителю.

– Может быть, тут выйдете? – спросил тот, – Тут дорога плохая очень...

Синявский посмотрел на Милославскую. Она пожала плечами, дав понять, что ничего против не имеет, и через пару минут Яна и ее клиент уже стояли посреди неширокой улицы.

– Вперед? – спросил Виктор, тяжело вздохнув.

– Угу, – поджав губы, промычала гадалка и потянула за собой собаку.

– Вон, посмотрите, – сказал Синявский, указав на добротный кирпичный дом, обнесенный высоким, тоже кирпичным забором, заканчивающимся большим гаражом, в котором легко могли уместиться две машины.

– Неплохо, – удивленно заметила гадалка.

До этого в качестве жильцов таких строений ей приходилось видеть преимущественно новых русских или просто обеспеченных горожан. Что так могут жить пенсионеры, Милославская никак не предполагала.

– Отец сам его выбирал, – горделиво заметил Виктор, а потом с грустью добавил: – Но пожить в нем ему толком так и не удалось. Сердце...

Когда Синявский и Яна приблизились к калитке, массивной, деревянной, Виктор достал из своей кожаной барсетки ключи и, повернув одним из них в замочной скважине пару раз, распахнул ее перед Милославской.

Яниному взору предстал просторный двор с несколькими кирпичными строениями, вероятнее всего, баней, летней кухней и двумя сараями. За домом находился сад, густо усаженный плодовыми деревьями.

– Отец любил проводить там время, – заметил Виктор, уловив взгляд гадалки.

– Идемте в дом? – спросила она, не желая тратить время понапрасну.

Синявский ступил на невысокое крыльцо и отпер металлическую дверь. Миновав просторную веранду, Яна и ее клиент очутились наконец в доме. Гадалка приказала собаке лечь в угол.

Джемма, явно недовольная таким распоряжением, тем не менее подчинилась.

Обставлен дом был великолепно. Дорогая мебель в сочетании с замечательно подобранными под нее аксессуарами смотрелась эффектно. Все это в представлении Милославской о пенсионерах выглядело очень непривычно. В доме не было и того специфического запаха, который обычно бывает в жилищах стариков.

– Недурно, – протянула она, – очень недурно...

– У мамы был отменный вкус, – пояснил Виктор.

– А у папы зарплата? – спросила Яна, постучав кончиками пальцев по деревянному круглому столу, окруженному четырьмя стульями с высокими резными спинками.

– Да, зарабатывал он неплохо, – коротко ответил Синявский и поспешил перевести разговор на другую тему, предложив гадалке кофе.

– Как зовут вашу мать? – спросила гадалка, ничего ему не ответив и рассматривая портрет, висящий в простенке между окнами.

– Ольга Сергеевна, – ответил Виктор и, смахнув с портрета пыль, сказал: – Это она. Правда, десять лет назад.

С художественной фотографии на Милославскую смотрела обаятельная женщина, которой на вид вряд ли можно было дать более сорока пяти лет. Она немного склонила голову и подперла ее локтем, слегка поджав ухоженные тонкие пальцы.

Запечатленный фотографом взгляд играл лукаво и даже надменно, и во всем облике чувствовалась внутренняя сила и успешность, а слово старость никак не шло в сочетание с ним.

– После смерти отца она заметно сдала, – сказал Синявский, – да и болячки всякие стали ее одолевать. То давление, то спина, радикулит, или как его там. Она писать-то об этом не любила, но иногда все-таки проговаривалась.

– Ладно, – перебила Виктора гадалка, – хватит лясы точить. Давайте к делу. Я могу осматривать вещи Ольги Сергеевны?

– Д-да, – немного неуверенно ответил Синявский.

– Эта процедура может для вас оказаться не очень приятной, – предупредила гадалка.

– Ничего не поделаешь, – вздохнув в пониманием, ответил ей клиент.

Милославская принялась внимательно осматривать дом. Теперь она была гораздо больше похожа на обычного сыщика, нежели на мага-чудотворца, и именно это, наверное, Синявского очень удивляло. Он сел в кресло и пристально наблюдал за действиями гадалки, которая без этих процедур обойтись не могла. Во-первых, они ей помогали получить наиболее полную картину данных о человеке, а во-вторых, раскрытие преступления, если таковое имело место, всегда оказывалось возможным только при сочетании методов необычных и традиционных. Могла, например, выясниться какая-нибудь деталь, зацепившись за которую Яна и начинала действовать в одном каком-то направлении. Пока же она не имела представления о том, с чего же ей начать.

Первым делом Милославская принялась копошиться в вещах пропавшей, раздвинув двери шкафа-купе в комнате, являвшейся, по словам Виктора, спальней его матери. Антресоли до отказа были забиты постельными принадлежностями, используемыми и новыми, на которых болтались еще картонные этикетки. Здесь гадалка не нашла ничего необычного. Две полки под антресолями вмещали в себя нижнее белье. Яна, скрепя сердце, осмотрела его наскоро и перешла к исследованию других отделов шкафа.

В платяном отделе висели платья, костюмы и здесь же верхняя одежда. Все это было качественным, преимущественно импортным, но вышедшим из моды. Начав пересматривать

вещи, гадалка громко чихнула: по всей видимости, Ольга Сергеевна давно ими не пользовалась, и они впитали в себя приличное количество пыли.

– Некогда мама любила пощеголять новыми нарядами, – с ностальгией протянул Синявский.

– Кажется, в последнее время она изменила своей привычке, – сказала Милославская, утирая нос.

Виктор промолчал.

– Я могу осмотреть карманы? – спросила гадалка, вытянув конец кашемирового пальто. Синявский одобрительно и одновременно удрученно покачал головой.

– И не только эти? – снова обратилась к нему Яна.

– Делайте, что посчитаете нужным, – пробормотал Виктор, махнув рукой.

Милославская торопливо осмотрела карманы всех вещей, но они оказались пустыми; только в одном из них с неких времен остались скомканные троллейбусные билеты.

В нижних выдвигающихся ящиках оказалась корреспонденция: старые письма, в том числе Синявского, открытки, телеграммы. Все это Ольга Сергеевна хранила очень бережно, аккуратно разложив по стопочкам. Яна тщательно просмотрела каждый листок, но, увы, не нашла ничего проливающего свет на исчезновение женщины.

В ближайший час гадалке пришлось перевернуть все в этой комнате. Она старалась делать это бережно, не допуская возникновения у Виктора мысли о неуважении к его матери. В один момент и он присоединился к Яне, но вскоре, поморщившись, вышел из комнаты: это занятие причинило ему душевную боль. Наверное, всплывали воспоминания, возникали черные мысли.

– Может быть, на самом деле, кофе? – прикуривая, обратилась к Синявскому Яна, выходя из спальни Ольги Сергеевны.

– Ничего? – с надеждой спросил ее клиент.

Милославская отрицательно покачала головой.

– Ну тогда давайте кофе, – меланхолично ответил Виктор и отошел от окна, в которое он печально и безотрывно смотрел последние полчаса. – Пройдите пока в библиотеку, – сказал он, указывая гадалке на соседнюю комнату, в которой, помимо высоченных, до самого потолка этажерок с книгами стояли два плетеных кресла, покрытых клетчатými пледами, и маленький между ними столик, заваленный старыми газетами.

– Ваша мать – поклонница русской классики? – спросила.

Яна, разглядывая многотомное собрание сочинений Пушкина в оригинальном переплете.

Именно произведений классиков отечественной литературы в этой библиотеке было больше всего.

– Да, – крикнул ей с кухни Виктор, – по-моему, она.

Лермонтова предпочитала всем остальным, а...

Синявский сказал еще что-то, но за шумом включенной им воды слов не стало слышно.

– А отец обожал политику? – позже спросила Милославская, начав перелистывать томик Маркса, привлечший ее ярко-красным переплетом с золочеными буквами.

– Да нет, – ответил Синявский, показавшись в дверях, – просто некогда он думал, что все это мне непременно пригодится, и обогащал библиотеку такой вот ерундой, —

Виктор поставил на столик сахарницу и снова удалился, – А на что она сегодня? – крикнул он из кухни, – Только макулатура!

– Это кому как, – не согласилась Милославская, – некоторые до сих пор читают с упоением.

– Кто же?

– Коммунисты, наверное, – гадалка пожала плечами.

В этот момент она открыла книгу примерно посередине, потому что ей показалось, что в этом месте страницы несколько отстранены друг от друга. Между листами, несколько пожелтевшими, оказался сложенный вдвое белый лист. Яна развернула его из чистого любопытства, не ожидая найти в нем ничего особенного.

– С сахаром? – спросил Виктор, появившись в дверях с чашками кофе.

– Пожалуй, – рассеянно ответила Яна, начав уже читать первые строчки.

Пробежав первые из них глазами, она стала произносить все вслух, с самого начала. Синявский, услышав наименование документа, рассыпал сахар мимо чашки и застыл на месте.

«РАСПИСКА, – огласила гадалка, – Я, СИНЯВСКАЯ ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА, ПАСПОРТ XIII-РУ, НОМЕР 612946, ВЫДАННЫЙ 19.04.96 ГОДА ОВД ЗАВОДСКОГО РАЙОНА Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, 20 МАРТА 2000 ГОДА ВЗЯЛА В ДОЛГ 1000 \$ У МУХАЕВА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. ОБЯЗУЮСЬ ВЕРНУТЬ ДЕНЬГИ НЕ ПОЗДНЕЕ ДЕКАБРЯ 2002 ГОДА С УСЛОВИЕМ НАЧИСЛЕНИЯ 33 % ГОДОВЫХ».

Расписка представляла собой копию, о чем свидетельствовала надпись в ее верхнем углу. Оригинал, судя по всему, находился у заимодавца.

Дочитав текст, Милославская непривычно для себя присвистнула. Виктор продолжал стоять в оцепенении. Судя по его виду, этот незамысловатый документ ни о чем ему не говорил, однако Яна решила все же убедиться в своем предположении.

– Вам знакома эта фамилия? – спросила она.

Клиент отрицательно покачал головой.

– Вы об этом знали?

– Нет, – еле слышно прошептал Синявский.

– Как вы думаете, долг уже возвращен?

– Вряд ли! С чего? Да и зачем тогда было ей хранить расписку?! Мать никогда не скапливала дома ненужные вещи. А! – Виктор вскрикнул, – Как же я сразу об этом не вспомнил! Да-да, это именно так!

– Что?

– Мать обычно хранила в книгах что-то особенно ценное. В свое время облигации, потом ваучеры... Еще бумажки какие-то... Несомненно, эта расписка до сих пор имеет силу!

– А долг, безусловно, за два года оброс солидными процентами... – задумчиво проговорила гадалка. – У Ольги Сергеевны была маленькая пенсия? – поинтересовалась она.

– А в нашей стране бывают большие? – присев на краешек кресла, тихо произнес Виктор.

– Она нуждалась? Нуждалась после смерти мужа?

– Теперь уже не знаю. В письмах говорила, что всего у нее хватает. Я ей раньше деньги посылал частенько, но она меня пристыдила однажды. Лучше два слова, мол, о себе напиши, чем эти подачки.

– И вы предпочли не делать ни того, ни другого? – усмехнувшись, предположила гадалка.

– Оставьте это! – раздраженно воскликнул Синявский, – Я и так прекрасно знаю, что виноват перед матерью! Только что толку сейчас от этого?

Между собеседниками на несколько секунд воцарилось молчание.

– А ведь может быть она недоедала... – огорченно протянул, почти простонал Виктор, закрыв лицо ладонями.

– Бросьте, – задумчиво подперев рукой голову, произнесла.

Яна, – чтобы прокормить себя, ей вряд ли было необходимо занимать тысячу долларов. Или она была настолько привередлива в еде? Не могла отойти от старых привычек?

– Нет, – с горечью ответил Синявский, – на красную икру и прочее мама никогда не претендовала.

– Итак, для чего же Ольге Сергеевне понадобилась эта сумма?

Виктор пожал плечами.

– Вот вам загадка номер один, – загибая палец, произнесла гадалка. – Может быть, вы все же знаете, кто такой этот Мухаев? Подумайте.

– Представления не имею, – Синявский развел руками.

– И ведь надо же! В расписке о нем практически ничего! Только имя, фамилия, отчество... Кто он? Где его искать? Это вторая загадка, – заключила Милославская.

Через некоторое время она с усмешкой добавила:

– А вы еще утверждаете, что Ольга Сергеевна ни с кем не общалась и вела затворнический образ жизни!

– А с чего вы взяли, что она с этим типом общалась?! Я думаю, это обычный ростовщик! Такие сотнями в объявлениях предлагают свои услуги.

– Несколько необычное для пожилой дамы знакомство...

– Что толку сейчас рассуждать об этом! Мать исчезла! Ее до сих пор нет! А у нас появилась зацепка! Или вы так не считаете?

– Нет, почему же, очень даже считаю. Более того, я подозреваю, что ваша мать пострадала именно от кредиторов. Долги, как водится, надо возвращать... Срок уже миновал. Хотя... Неужели этот Мухаев такой остолоп, что, намереваясь... убить похищенную, оставляет в ее доме расписку со своим именем? Впрочем, и матерые преступники делали глупые просчеты. Или расписку не смогли найти?..

– Вы... – прошептал Синявский, – Вы думаете, они ее...

У... убили?

– Не исключено, хотя вряд ли, – холодно ответила гадалка, прикуривая очередную сигарету. – Гораздо вероятнее, – Яна, прищурившись, на мгновение задумалась, – гораздо вероятнее, что ее держат в заложницах.

– Как?!

– Это очень современно, – подойдя к окну и немного приоткрыв форточку, задумчиво проговорила Яна, – Может быть, кредиторы намереваются в ближайшее время потребовать с вас выкуп за мать и свои деньги, разумеется, тоже. Вы ведь платежеспособный человек? – Милославская смело взглянула на своего клиента.

– Не бедный, – мрачно проговорил он, осознавая сказанное гадалкой.

– Есть еще вариант, – Милославская стала ходить по комнате, – Ольгу Сергеевну держат в заключении на сухом пайке, намереваясь получить долг, полностью лишая ее пенсии. Хотя... Нет, это глупо! Первый вариант более жизненный.

– Это ростовщики отправили мне телеграмму?

Милославская пожала плечами.

– Хотели, наверное, напомнить о матери, – Синявский задумчиво потирал небритый подбородок, – а потом уже деньги начать требовать. Как вы считаете? – Виктор вопросительно посмотрел на гадалку.

– Я считаю, надо отыскать этого кредитора, и только тогда все прояснится. Наши предположения имеют мало значения, оставаясь только лишь предположениями. Их надо проверить!

Яна подняла чашку уже остывшего кофе и сделала большой глоток. Виктор неосознанно повторил за ней. Милославская в этот момент больше всего боялась того, что след окажется ложным, и они понапрасну потеряют время. Однако она не стала говорить об этой мысли Синявскому, ровно как и о том, что все еще до конца не исключала того, что Ольга Сергеевна цела и невредима и искать ее не стоит.

Делиться каждым соображением с клиентом не входило в правила гадалки. Синявский был взвинчен, гораздо более взволнован, чем она, и поэтому рассчитывать на его здравый смысл не приходилось. Более того, у Яны и у самой в голове был почти полный хаос. Она точно не была убеждена ни в чем, и только интуиция звала ее продолжать расследование и как можно

активнее. Милославская привыкла доверять этому внутреннему зову, так как он практически никогда ее не подводил.

– Но как мы его найдем? – высоко подняв брови, спросил Виктор. – Где?

– Вы забываете, с кем имеете дело, – ухмыльнувшись, ответила ему Милославская, – у меня друг работает в органах. Хотя сейчас я охвачена другой идеей, – гадалка вышла из библиотеки.

Синявский удивленно посмотрел ей вслед. Яна же через минуту вернулась со своей сумочкой, которую она оставила в прихожей. Улыбнувшись клиенту, гадалка достала свои карты, с которыми редко расставалась, и сказала:

– Думаю, они нам помогут скорее, чем милиция.

ГЛАВА 3

– Что? Что с вами? – тербил Милославскую Виктор, стоя перед ней на коленях с пузырьком нашатыря в руках. – Что вы там увидели?

Яна сидела, откинувшись на спинку кресла. Тело ее сотрясали рыдания. Своими эмоциями она не могла в этот момент управлять. После гадания все ее физические, психические, эмоциональные силы находились далеко не в том состоянии, когда она способна была проявить волю и холодный рассудок.

– Авария, – закрыв лицо ладонями, вздрагивая от плача, неразборчиво произнесла она.

– Что-о? – с некоторым возмущением произнес Синявский.

– Я видела аварию, – более спокойно сказала гадалка, вытирая слезы носовым платком, который ей протянул клиент.

– И что? – несмело произнес он, боясь услышать самое для него страшное, – Мама? – полупшепотом просил он.

– Не знаю точно, – глубоко вздохнув каким-то прерывистым вздохом, который обычно бывает после рыданий, ответила Яна.

Увидев полные ужаса глаза Синявского, она поспешила добавить:

– Не думаю. Я ведь вопрос картам задавала о кредиторе.

– И это его?.. Его вам так жалко, что вы... – с ужасом проговорил Виктор, голос которого в этот момент даже как-то осип.

– Нет, что вы, – почти совсем успокоившись, ответила.

Милославская.

После этого ей пришлось рассказать историю гибели ее собственной семьи. Авария, оставившая в живых только саму гадалку, была удивительно похожа на произошедшую в видении. И именно это так потрясло Яну, особо чувствительную в момент общения с картами и еще некоторое время после него. Да, авария была похожей. Только автомобили столкнулись другие. И насчет последствий Милославская сейчас точно ничего не могла сказать. Она только видела резкий удар машин и тот небольшой эпизод, который ему предшествовал. Кто пострадавшие, и выжили ли они, ей выяснить в этом сеансе не удалось.

Однако ей было чем успокоить Виктора – гадалка довольно отчетливо увидела и теперь легко могла описать место происшествия, более того, она знала, что оно реально существует и где оно находится. Это была загородная трасса неподалеку от въезда в город. В те безвозвратно ушедшие времена, когда жизнь семейства Милославских протекала мирно и счастливо, они каждые выходные, начиная с апреля месяца и по последние дни октября, проезжали мимо, следуя на свой дачный участок. Еще раз воссоздав в своем воображении картину из видения, гадалка определила и примерное время происшествия – пара часов до полного восхода или заката солнца. Точно она сказать не могла, но так как закат уже приближался, Яна знала, что она должна отправиться туда, не медля ни минуты.

Синявский, выслушав рассказ гадалки о гибели ее близких, был поражен, и Яна, чтобы поскорее уйти от неприятной и большой для нее темы, коротко поведала ему о содержании видения, а затем сухо заявила:

– Я должна отправиться туда сейчас же.

– Я с вами! – резко поднявшись с места, воскликнул тот.

– Нет и еще раз нет! – возразила гадалка.

– Почему?! – протянул Виктор, широко раскрыв глаза.

Милославская не стала говорить, что везде таскать за собой клиента не в ее правилах, так как обычно это только мешало расследованию. Она довольно спокойно произнесла:

– Вам лучше оставаться на месте. Ведь может появиться какая-то новая информация. Позвонит кто-нибудь, например.

Синявский шевелил губами, не зная, что сказать. Он понимал, что гадалка в своем возращении была права. Да и Яна вдруг осознала, что предложила нечто довольно разумное и логически оправданное.

– Конечно, – нахмурившись, нехотя ответил Виктор, – Только что я тут делать буду? С ума сходить? Это же уму непостижимо – сидеть в этом опустевшем доме и думать, думать, думать!

– Не обязательно просто сидеть, – покачав головой, произнесла Милославская. – Лучше продолжите поиски, – неожиданно для самой себя предложила она. – Мы ведь осмотрели только спальню и частично библиотеку? Думаю, можно отыскать еще что-нибудь немаловажное.

– Вы правы, конечно, – спокойно проговорил Синявский. – Эти два дня мне и в голову не приходило искать что-то. Первый день я ждал. Думал, ну, пошла куда-нибудь, вот-вот вернется. Ближе к ночи начал с ума сходить от беспокойства, а с утра уж по инстанциям пошел, в милицию, то есть. В результате оказался у вас.

– Ладно, – вздохнув, произнесла гадалка. – Не будем время терять.

Она собрала карты, тяжело поднялась с места и, немного пошатнувшись, накинув ремешок сумочки на плечо, побрела к выходу.

– Вы, – окликнул ее Виктор, – еще не совсем в норме!

– Ничего, – отмахнулась гадалка, – отойду по дороге.

В прихожей, у большого зеркала в красивой дорогой оправе, она поправила наскоро макияж, немного испорченный слезами, и стала обуваться. Клиент смотрел на нее по-отечески заботливо.

– Все будет хорошо, – произнесла Милославская, уловив его взгляд, и взяла Джемму, нетерпеливо уже бьющую хвостом, за поводок.

Синявский в ответ только вздохнул. Он проводил Яну до калитки – она была против, чтобы Виктор следовал за ней дальше. Гадалка знала, что скорее окончательно придет в себя, тихонечко бредя по тихой улочке. Ей хотелось помолчать некоторое время, глубоко вдыхая этот почти загородный воздух.

Клиент смотрел ей вслед, пока она не скрылась за ближайшим поворотом. Они договорились или созвониться, обменявшись телефонными номерами, или встретиться, как только что-то прояснится. Гадалке осталось только поймать такси и мчаться к знакомому уже месту.

Почти сразу, как только она подняла руку, возле нее притормозил старенький автомобиль. Глуховатый старик никак не мог понять, куда именно следует отвести эту женщину. Яна, отчаявшись найти у него понимание, протянула ему две сторублевых купюры и сказала:

– Поезжайте. Я скажу, когда остановиться.

Водитель глянул на деньги подозрительно, но довольно быстро заставил их исчезнуть в засаленном кожаном кошельке, который он запихал подальше в задний карман помятых брюк. Милославская периодически указывала ему дальнейшее направление. Другого разговора они не поддерживали. Старик громко кашлял, да так, что все в его груди, казалось, булькало и сотрясалось. Яне думалось, что в эти минуты он просто не мог управлять автомобилем, однако мужчина ловко лавировал между довольно солидных авто.

Через сорок минут они оказались на загородной трассе. Далее следовало ехать прямо, не сворачивая, о чем Милославская сообщила старику.

– Долго? – хрипло спросил он.

– Минут пятнадцать-двадцать, – коротко сказала гадалка.

Она взволнованно ожидала приближения к месту. В ее сознании всплывали печальные воспоминания, тоска щемила грудь, и сердце билось чаще. Кроме того, Яна уже искала на

дороге признаки произошедшей аварии: ГАИ, образовавшиеся заторы. По ее подсчетам, катастрофа вот-вот должна была произойти. Однако вокруг все было спокойно.

Вскоре она увидела нужный поворот и попросила водителя притормозить. Тот удивленно остановился. Милославская, не забыв о словах благодарности, вышла на улицу. Старик, наполовину высунувшись через окно, протяжно спросил:

– А вам, собственно, куда? В Синенькие что ли? Так я вас до места могу довести. Пешком тут далековато, километров восемь с лишком будет.

– Нет-нет, спасибо, мне сюда, – торопливо проговорила Милославская.

Старик сделал удивленную мину и, развернувшись, уехал. Гадалка оказалась одна посреди неширокой трассы, окруженной бесконечной серо-желтой степью, у горизонта зеленоющей. Большой огненный шар наполовину опустился уже за край земли, окрасив небо вокруг ослепляющим пурпуром. Тихий ветерок не давал уснуть пожухлой траве, шевеля ее опустошенные стебли. Отовсюду слышалось пощелкиванье, потрескиванье, посвист. Несмотря на кажущуюся пустоту, степь продолжала жить своей привычной жизнью.

Вот так и тогда – ничто не предвещало беды, все произошло неожиданно...

В уголках Яниных глаз блеснули слезы.

Она отошла к обочине, встала в десятке метров от того места, где, по ее подсчетам, должна была произойти авария и слегка облокотилась на полосатые перила, недавно поставленные у этого поворота. Джемма, энергично закрутившись у ее ног, жалобно заскулила.

– Гуляй, гуляй, – вздохнув с пониманием, сказала ей Яна, – Только играть мне с тобой некогда!

Собака радостно взвизгнула и крупными прыжками спустилась с крутой обочины, вихрем помчавшись по давно невиданному раздолью.

Издали показался грузовик. Милославская вся напряглась. Но он, с оглушающим шумом прорезав воздух, лихо пролетел мимо нее. То же самое произошло с микроавтобусом, выскочившим с другой стороны, а потом и десятком-двумя других автомобилей, спешащих в город и из него.

Приближение каждого из них Яна ждала с замиранием сердца. Вот-вот, по ее соображениям, должно было произойти ужасное. Но, одновременно к ее радости и огорчению, все шло мирным чередом.

Водители некоторых автомобилей, пролетающих мимо, успевали бросить на гадалку полные удивления взгляды, а хозяин одного чумазого грузовика даже приостановил машину. Яну окутало при этом облако невыносимой копоти. Она закашлялась, рукой отгоняя от себя едкий газ, а улыбающийся здоровяк, наполовину высунувшись из окна, поспешил предложить гадалке свои услуги.

– Что, красавица, не веселая? – спросил он с ярко выраженным кавказским акцентом. – Подвезти? Чего одна тут скучаешь?

– Я не одна, – печально произнесла Милославская.

– Как не одна? – всерьез удивился кавказец.

Из-за известняковой насыпи показалась Джемма.

– Поезжайте, поезжайте, – кивнув на нее, протянула Яна.

Мужчина спорить не захотел, тем более что собака угрожающе зарычала.

Простояв так около часа, Милославская принялась прогуливаться из стороны в сторону. Ноги ее, и без того устав, вскоре начали ныть, заставив гадалку присесть.

Яна выкурила подряд две сигареты. Она с тоской смотрела вдаль, медленно выпуская струйки дыма. Машины появлялись уже реже, и в перерывах между их гулом вокруг воцарялось безмолвие, нарушаемое только стрекотом неугомонных насекомых. Гадалка поглядела на солнце: оно почти закатилось, а значит момент, когда должна была свершиться авария, миновал.

Яна не отчаивалась, так как заранее она и не знала, случится это до заката или перед восходом. Видение дало ей намек, но конкретного времени не подсказало. Конечно, обидно было сознавать, что несколько часов потеряно напрасно, но Милославская успокаивала себя тем, что в каждом ее расследовании были как взлеты, так и падения.

Поднявшись на ноги, она подошла ближе к обочине и, поставив одну руку в бок, крикнула Джемму, рыскающую в траве. Джемма обернулась и, почуяв строгую нотку в голосе и взгляде хозяйки, ринулась ей навстречу. Гадалка взяла собаку за поводок, чтобы в случае остановки автомобиля ей не пришлось нервировать водителя ожиданием ее возвращения.

Однако транспорта дождаться оказалось нелегко. Все машины, как назло, куда-то запропастились. Милославской пришлось безрезультатно простоять в ожидании около двадцати минут. Наконец вдали показалась какая-то черная точка. Яна вздохнула с облегчением и заранее вытянула вперед руку. Джемма нетерпеливо поскуливала.

Когда точка стала приближаться и ее можно было рассмотреть довольно хорошо, Милославская в нерешительности опустила руку. Потом снова неуверенно подняла ее, потом опять опустила. Однако тут же она поняла, что отказаться от средства передвижения сейчас – означало проторчать в стремительно наступающей темноте еще неизвестно сколько.

Гадалка энергично замахала вытянутой рукой. Старый мотоцикл «Урал», не доезжая до Яны пятидесяти метров, уже стал постепенно сворачивать к краю дороги. Милославская обрадовалась – ее не проигнорировали.

– Куда? – остановившись, спросил мотоциклист, полный загорелый мужчина лет пятидесяти, стараясь перекричать тархтенье мотора.

– До города, – крикнула в ответ Яна, оглядывая мотоцикл.

Мужчина махнул рукой, указывая ей на место позади себя.

– А собаку? – гадалка потянула за поводок Джемму.

Мотоциклист нехотя откинул старую облезлую попону, освободив люльку с проржавевшим дном и истертым перекосившимся на бок сиденьем.

– Вперед, – скомандовала гадалка собаке.

Изуменье той легко было прочитать: если сама Милославская ездила на мотоцикле, хотя и в раннем детстве, то Джемме на своем веку такого испытать не довелось.

– Ну! – прикрикнула Милославская, и овчарка прыгнула в люльку.

Один край сиденья, на который она наступила передними лапами, при этом опустился, а другой поднялся – сиденье едва совсем не опрокинулось.

Убедившись, что Джемма все же нормально пристроилась, гадалка обошла мотоцикл с другой стороны, остановившись у указанного ей сиденья. Мужчина протягивал Яне исцарапанную оранжевую строительную каску с привязанной к ней посеребрившей засаленной веревкой. Этот предмет, судя по всему, Милославская должна была надеть себе на голову. Испытать в этот вечер такой экстрим она никак не предполагала.

Едва скрывая эмоции и бормоча слова благодарности за проявленную к ней доброту, гадалка кое-как нацепила предназначенную совершенно для другого каску и одной ногой наступила на короткую торчащую в сторону подножку. Она немного пошатнулась, но хозяин транспорта заботливо ухватил ее за руку. Яна, стараясь быть попроворней, перекинула другую ногу через сиденье и крепче уцепилась за круглую резиновую ручку впереди себя. «Мда, – подумала она, когда мотоцикл трогался, – надо было потребовать с Синявского в два раза больше...»

Очувтившись в собственной постели, Милославская еще долго ощущала отзвуки тряски во всем теле: внутренняя дрожь терзала его, а в голове даже во сне шумело.

Звонок будильника должен был поднять ее очень рано – согласно видению, авария могла произойти и перед восходом солнца, и, не теряя надежды, Яна намеревалась с утра отправиться на прежнее место.

ГЛАВА 4

– Думаю, сегодня мне повезет, – тихо проговорила гадалка, усаживаясь на заднее сиденье такси, которое она заранее специально заказала, чтобы потом не нервничать, голосуя у полупустынной в такую рань дороги.

– А? – оглянувшись, переспросил ее водитель.

– Нет, ничего, – ответила ему Яна, – это я так.

Начинало рассветать, но день судя по всему обещал быть пасмурным, и тягучая прохлада вокруг напоминала полусумерки. Воздух, остыв за ночь, заставлял содрогаться при одном только слабом дуновении ветерка. И вообще, казалось, был наполнен чем-то зловещим.

Всю дорогу гадалка сидела в напряжении, а когда машина миновала городскую часть, оно еще больше усилилось. Сердце подсказывало Милославской, что да, сегодня, точнее, вот-вот что-то должно было произойти. Мысли Яны невольно обращали ее к недавнему видению, и жестокие картины всплывали в ее воображении. Когда до нужного места оставалось два-три поворота, гадалка стала напряженно вглядываться вдаль.

Черное пятно, показавшееся вдали после очередного поворота, заставило ее вскрикнуть. Да, нагромождение посреди дороги не могло быть ничем иным, как ожидаемой ею трагедией. Неужели она уже произошла?

Милославская сухо велела водителю остановиться и, расплатившись с ним, покинула машину и скоро зашагала вперед, заставив его удивиться. Мужчина, ничего в отличие от гадалки не ожидающий, пристально вдаль не смотрел, а потому подозрительного там и не обнаружил. Он недоуменно глянул вслед стремительно удаляющейся даме и, развернувшись, поспешил удалиться.

Несколько метров передвигаясь быстрым шагом, Яна в конце концов побежала. Жгучее внутреннее чувство толкало ее вперед, где стали более отчетливо очерчиваться контуры двух перевернутых машин, одна из которых успела обгореть.

Что могла приоткрыть перед ней случившаяся авария? Зачем видение предсказало ее? Как это поможет в расследовании? Эти мысли первоначально терзали бегущую Яну. Но когда она различила возле одного из автомобилей недвижимое человеческое тело, один вопрос стал для нее важнее всех остальных: «Это она? Ольга Сергеевна?»

Сердце гадалки бешено колотилось. На этот момент она не имела хорошей физической подготовки, и теперь организм с укором напоминал ей об этом: в боку резко закололо, в глазах стало темнеть, воздуха не хватало, и ноги, казалось, вот-вот готовы были подкоситься и заставить ее упасть.

Быстро наступившее физическое бессилие Яны усугублялось ее психическим состоянием. Личные болезненные воспоминания, страшные предчувствия и переживания за мать клиента – все это сейчас разом навалилось на Милославскую.

Выбившись через какое-то время из сил, гадалка снова пошла шагом. Теперь до места оставалось совсем немного. Милославская с уверенностью могла уже назвать марку обгоревшей машины. Это были «Жигули». А недвижимое тело без какой-либо надежды на лучшее про себя она уже именовала трупом. К счастью, не женским. Яне открылось зрелище не из приятных, хотя подобное ей случалось видеть нередко.

Подойдя ближе, гадалка остановилась всего в нескольких метрах от машин. Она была в полной растерянности и первые минуты не могла сообразить, что же делать дальше. Обгоревшие «Жигули» с выбитыми двумя стеклами и глубокой вмятиной с водительской стороны лежали на одном боку посреди дороги. Хозяин их, вылетев каким-то образом из автомобиля на улицу, безжизненно лежал в паре метров от него. Другая машина, старенький «Москвич», свесилась наполовину с обочины и упиралась передними колесами в огромный серовато-жел-

тый камень, который и не давал ей окончательно съехать в кювет. Она пострадала не меньше «Жигулей»: весь перед был изрядно вмят, человек, мужчина, лицо которого было залито кровью, сидел за рулем, наполовину съехав вниз со своего места.

Невольно Яна стала представлять возможную картину произошедшего. По ее первому предположению, столкновение случилось из-за того, что один из владельцев автомобилей просто уснул за рулем. В столь ранний час это не удивительно, особенно если человек и вовсе не спал этой ночью. Другие варианты, конечно, не исключались. Мало ли что еще могло быть – размышлять об этом Милославской сейчас было некогда.

Свидетелей у этой аварии, судя по всему, не имелось. Или же они благополучно сгнули с ее места во избежание возникновения ненужных сложностей в их личной жизни.

Силясь перебороть всепоглощающий ужас, страх, жгучую боль и даже естественное отвращение, возникшее при виде мертвых тел, гадалка решила подойти ближе и получше рассмотреть каждое из них. Ладонью зажимая половину лица, она осторожно, как будто боясь испугать кого-то, подошла к «Москвичу», так как находилась ближе именно к нему, и стала всматриваться в обезображенное лицо его владельца.

Нет, этого человека она никогда не видела. Его окровавленная одежда, вещи, раскиданные по салону, да и сам изуродованный старенький, выдавший виды автомобиль говорили о том, что это простой работяга, возможно, житель сельской местности. Стараясь взять себя в руки, гадалка приоткрыла скрипнувшую дверь «Москвича», провалившись каблуком в начавший осыпаться с обочины щебень, и теперь уже более пристально оглядывала автосалон. Первое, что сразу привлекло ее внимание – засаленная барсетка, размахрившаяся и сильно потерявшая по углам.

Милославская осторожно наклонилась еще ниже и приподняла ее. Сумочка оказалась плотно набитой, и натянутый замок с трудом поддался. Внутри оказался вшитый калькулятор, блокнот, несколько чеков, две квитанции, водительские права, ПТС, еще кое-какие документы и деньги.

Яна прочитала на ПТС фамилию, имя, отчество погибшего. Она ведь, когда гадала, спрашивала у карт о кредиторе, а сюда ехала в надежде узнать что-то о пропавшей. Нет, имя хозяйина «Москвича» не было ей знакомо. Да и при первом взгляде, собственно говоря, она поняла, что этот человек не мог быть кредитором достаточно крупной суммы.

Яна достала из своей сумки записную книжку и перенесла туда основные данные из найденных документов. Вернув барсетку на прежнее место и прикрыв дверь, она побрела ко второй машине.

Милославская присела на корточки возле лежащего лицом вниз мужчины и стала почему-то, будучи в полной растерянности, проверять его пульс, хотя по внешним признакам почти наверняка определила, что он мертв. Нет, биение сердца у этого несчастного не определялось. На всякий случай Милославская приложила кончики пальцев к другим точкам, где могло еще ощущаться пульсирование, но и эти попытки оказались тщетными.

Яна с горечью зажмурила глаза и сжала губы. Потом ей на ум пришло еще кое-какое соображение. Она осторожно, дрожащими руками приоткрыла слипшиеся веки пострадавшего и по виду зрачка окончательно установила, что он покойник.

– Черт возьми! – с досадой вскрикнула она.

Ведь никто теперь не мог гадалке рассказать, каким образом случившееся могло быть связано с исчезновением матери ее клиента.

От охватившего ее отчаяния Яна зажала рот руками и безнадежно, сама не понимая чего, стала искать глазами вокруг. Природа ни одним своим движением не говорила о том, что в чьей-то жизни произошло что-то непоправимое, что человека уже не вернешь и что чье-то сердце, наверное, будет разбито. Все было так же тихо и пасмурно.

Милославская глянула на изувеченную машину.

– Стоп! – неожиданно для самой себя медленно проговорила вдруг она. – Кажется, номера, хотя и пострадали, но вполне читаемы. Обгоревший салон, конечно, мне ничем помочь не может, – Яна медленно подошла к «Жигулям» и, склонившись, заглянула внутрь сквозь разбитое стекло.

– Похоже, все сколько-нибудь стоящее внутри сгорело, – пробормотала она, – и документы, кажется, тоже.

Яна выпрямилась и глянула на осколки разлетевшегося по земле стекла. Неожиданно для себя среди них она заметила маленький поблескивающий прямоугольник, в котором, пристотревшись, различила какую-то заламинированную бумагу.

– Что это? – вслух проговорила она и приблизилась к находке.

Гадалка осторожно раздвинула мелкие осколки и вытащила картонку, которая оказалась паспортом технического средства. По-видимому, водитель вставил этот заламинированный кусочек краешком под стекло, и это спасло документ, в отличие от всех остальных. Хотя могло произойти с ПТС и по-другому. Мало ли какие парадоксы случаются в критические моменты?! Где-то рядом, по Янинуму предположению, должно было быть и свидетельство о техосмотре, но его гадалка, осмотревшись, не нашла.

– Хоть что-то! – сквозь зубы воскликнула она и попыталась прочитать написанное на нем.

Однако та часть, документа, где значилась фамилия, безнадежно пострадала. Она была то ли сплавленной, то ли просто покареженной, да и на остальных словах краска как-то смазалась. Яна с трудом разобрала и пробормотала:

– Юрий Иванович. Да-а-а, – разочарованно протянула она, – кредитор, к сожалению, назвался не этим именем. Хотя Юрия Ивановича, скорее всего, стоит отыскать. Правда, таких Юриев Ивановичей в нашем городе определенно не три человека. Кто же вы, мистер Икс? – задумчиво завершила она.

Все остальные из сохранившихся записей Яна прочла про себя.

Вслед за этим Милославская поднялась с корточек и подошла к номерам автомобиля, о которых думала несколькими минутами ранее, чуть ближе. Она уже знала о них из ПТС, но опыт часто заставлял ее быть предупредительной. «Лучше перебдеть, чем недобдеть», – говаривал Руденко.

Гадалка торопливо достала носовой платок и, скомкав его, стала осторожно стирать пыль, копать и прочие загрязнения с металлической таблички. Несколько усердных движений, и она, изрядно перепачкавшись, все же, хотя и с трудом, смогла прочитать номер «Жигулей» – М 678 РО. Он совпадал с номером, значащимся в документе.

– Неплохо, – подбадривая себя, произнесла Яна.

Теперь ей предоставился шанс, разумеется, приложив определенные усилия и воспользовавшись помощью небезызвестного своего товарища, раздобыть более подробную информацию о хозяине и этого, и другого автомобиля, и тогда, возможно, кое-что могло проясниться.

Милославская деловито поставила руки в бока и протянула:

– Ну, Семен Семеныч, никогда тебя в подходящий момент не бывает на рядом!

Вслед за ее словами раздалось переливчатое пиликанье откуда-то со стороны хозяина «Жигулей». Гадалка удивленно вскинула брови и в первое мгновение даже вздрогнула от неожиданности. Потом ее осенило: сотовый. Она бросилась к труп, сама еще не зная, с какой целью, и стала судорожно ощупывать его одежду, потому что пиццало где-то совсем рядом.

– Да! – ощутив пальцами искомое, вскрикнула она, но в этот момент сигнал прекратился.

Тем не менее Милославская осторожно и не без брезгливости достала телефон из внутреннего кармана пиджака мужчины и с непонятным ей самой чувством глянула на него, а потом вдруг поняла, что находка эта как нельзя кстати.

На всякий случай она еще раз решила пошарить руками по липкой одежде покойника, надеясь, что, может быть, еще что-нибудь ценное для нее обнаружится в карманах погибшего, документы, например. Ведь сразу она, взволнованная, до этого не додумалась.

В одном месте пальцы гадалки под тканью неожиданно ощутили что-то твердое. Дрожащими руками она приподняла край пиджака и проникла туда, где ею недавно прочувствовался плотный прямоугольник – в верхний карман рубашки. Зацепив свою находку двумя пальцами, она потянула ее и вскоре могла лицезреть кожаный черный кошелек. Безусловно, Яна не отказала себе в возможности порыться в нем. Внутри, в первом отделе лежало несколько некрупных денежных купюр и чеки на мелкие суммы, очевидно, хранимые без всякой цели.

Милославская заглянула во второй отдел кошелька. Он оказался практически пуст, за исключением помятой, вчетверо сложенной бумажки. Гадалка достала и развернула ее. Там значился только какой-то адрес. Ни фамилии рядом, ни номера телефона. Бумажка, судя по всему, в кошельке обитала давно. Яна принялась размышлять, какое значение она могла иметь и вскоре подумала, что некоторые люди носят с собой не документы, удостоверяющие их личность, а такие вот записочки, чтобы в случае чего, эту самую личность легко можно было установить. Ведь паспорт нет необходимости всегда носить с собой. Потерять можно, или выкрадут, а потом такая морока с восстановлением! Да и поносишь вот так год-другой, поизотрется весь.

Милославская перенесла и эти данные в свой блокнот, а затем вернула находку на прежнее место.

– Теперь, Юрий Иванович, – сказала она, глядя на покойника, – надеюсь, я знаю еще и Ваш адрес.

В следующий миг гадалка уверенно уже набирала номер Семена Семеныча, пользуясь найденным сотовым.

Домашний телефон настырно молчал, хотя время для выхода на работу было еще слишком раннее. Сделав несколько попыток и выругавшись после неудачной последней, Милославская призадумалась, поглаживая подбородок.

– Линия что ли повреждена?.. – недовольно пробормотала она, а потом чисто инстинктивно набрала номер рабочего телефона Руденко.

– М-м-м, – хрипло послышался вскоре ответный возглас из трубки.

– Сема? – одновременно удивленно и радостно воскликнула гадалка.

– М-м? – как бы встрепенувшись ото сна послышалось в ответ.

– Ты? – расплывшись в улыбке, спросила гадалка.

– Му-гу, – промычал тот в ответ апатично, очевидно, узнав Яну.

Судя по всему, он в момент ее звонка спал, и приятельница прервала какое-нибудь неожиданно приятное сновидение.

– Ты чего там так рано? – не зная, с чего начать, спросила гадалка.

– Почему рано? – позевывая, ответил тот, – Поздно! Я еще и не уходил. Й-олки! – вдруг воскликнул он, наверное, глянув на часы и только теперь поняв, что уже утро настало. – Слава богу, что Маргарита не дома!

– Если б она дома была, – добродушно протянула гадалка, тебя бы там давно уже не было! Спишь, небось, с глубокого бодуна?

– Ну ты скажешь тоже! – деловито покашливая, ответил Семен Семеныч.

– А то нет?! Знаем мы вашу работу! – Яна нарочито раззадоривала друга.

– Если б знали, – обиженно возразил Три Семерки, – такими шуточками не раскидывались бы!

– Ну ладно-ладно, – перебила Милославская, – это я шучу.

Хотя не до шуток мне сейчас, может, более, чем когда-либо.

– Что? Опять карты какую-нибудь страшную вещь подсказали? – не упуская возможности сиронизировать в отместку, со смешком произнес Руденко.

– К сожалению, на этот раз мне пришлось увидеть ужасное собственными глазами, – реагируя на язвительность Семена Семеныча холодным спокойствием, ответила гадалка. – Передо мной два трупа...

– Что-о? – загремел, сразу как-то прорезавшись, голос Три Семерки.

– Авария на загородной трассе, два трупа, две покарёженных машины... Свидетелей нема...

– Фу ты! Слава богу! То есть не слава, конечно... – осекся Руденко. – Я думал, мокруха опять, ты уж осторожней как-то выражайся.

– Куда уж осторожней, Сема! Представь мое состояние...

Рядом два безжизненных тела в крови. Разве я паникую?

– Короче! Говори короче, что ты от меня хочешь?

– Как что? Ну, во-первых, пришли сюда кого-нибудь, кого следует, с этим же разбираться надо!

– Ну да, да, это надо, конечно, – понимая, что сморозил глупость, бубнил в ответ Семен Семеныч.

– Во-вторых... – загадочно протянула гадалка. – В общем, есть еще кое-что, – Яна кашлянула.

Три Семерки выжидающе молчал.

– Я сейчас веду одно дело, – продолжила Милославская, – и именно оно привело меня к месту этой катастрофы.

– Да! Кстати, как ты там оказалась? С тобой все в порядке? – зататорил испуганно Руденко.

– Да, все хорошо, – коротко ответила Яна.

– Ты тоже с кем-то из них ехала? – снова перебил Три.

Семерки.

– Да нет же! Семен Семеныч, уймись! – раздосадованно воскликнула Яна. – Меня видение предупредило, только я опоздала!

– Опять ты со своими видениями, – кисло процедил Руденко.

– Как бы ты к ним не относился, – холодно возразила гадалка, – они всегда говорят правду! Всегда, как и в этот раз, – настойчиво повторила Милославская. – И вообще, хватит демагогию разводиться! Разве есть от этого толк? – Яна уже всерьез начинала сердиться.

Три Семерки что-то фыркнул в ответ, а потом недовольно произнес:

– Ну?

– Я сейчас тебе назову номера одного из автомобилей... – Яна выжидающе замолчала, пытаясь предугадать реакцию Руденко.

– Ну?

– И имя-отчество ее ныне покойного хозяина, – продолжила гадалка.

– Почему имя-отчество? – удивился Три Семерки.

– Могу еще и адресок. Остального не имею чести знать. Потом все объясню.

– Адрес не надо. Номеров хватит. Дальше что?

– Просьба – как можно скорей установить, все ли чисто с этой машиной. Все равно милиции придется это делать. Ведь так?

– Так, – уже более дружелюбно, но, очевидно, ничего так и не разобрав, произнес Руденко.

– Начни сейчас, а Сема? Чую я, дело это начинает чем-то жареным пахнуть, боюсь, простым разбирательством ГАИ эта авария не ограничится.

– Почему? – заинтересовавшись, спросил Семен Семеныч.

– Человек пропал, – ответила гадалка.

– Теперь ты его нашла? – усмехнулся ее приятель.

– В том-то и дело, что нет, – горячо проговорила Милославская. – В общем, Сема, потом поговорим, давай к делу, а?

– Давай, дафа-у-э, – позевывая и коверкая слова, протянул Три Семерки.

– Какой же он противный иногда! – процедила гадалка, отключив сотовый.

Милославская вдруг поймала себя на мысли о том, что она не заикнулась в разговоре с приятелем о хозяине «Москвича», да и не думала о нем особенно. В чем причина этого, гадалка и сама не могла объяснить. Интуиция, внутренний зов настойчиво звали ее заняться именно «Жигулями». Возможно, такое ощущение в душе Яны создавалось потому, что героями ее детективных расследований редко становились сельские работяги.

Тем не менее гадалка не могла так просто отступить от проверки «благополучного» покойника. Слишком уж часто выходило, что «черти» обнаруживались именно в тихом омуте. Однако время в период расследования всегда было для Яны особенно драгоценно, и теперь она задумалась, а стоило ли двигаться в этом направлении вперед, рискуя потерять золотые часы напрасно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.